Теневые злодеи Кербелы

Важной составляющей шиитской духовной традиции является пересказ трагедии Кербелы. На тему мученической смерти господина Хусейна (да будет доволен им Аллах) ставятся страстные пьесы в Иране и Индостане, пишутся произведения как в прозе, так и в стихах, а во время месяца Мухаррам среди шиитов царит атмосфера оплакивания. Все это красноречиво свидетельствует о значении данного события в шиитском календаре. Вероятно, для шиитов Ашура – самый важный день в году.

Но, к сожалению, несмотря на колоссальное внимание к теме Кербелы, это событие упорно представляют лишь как противостояние двух сторон: Хусейна против Язида, Истины против Заблуждения, Справедливости против Тирании. Многие беспринципные люди дошли даже до того, что выставляют эту тему как противостояние шиизма против суннизма.

Такой пристрастный пересказ, выделяющий само событие и уводящий внимание от другой виновной стороны в трагедии Ашуры, сам по себе является трагедией. Ведь получается, что смерть Хусейна часто вспоминается, его оппоненты и убийцы определяются и проклинаются, но ни толики гнева при этом не проливается на тех, кто покинул Хусейна в столь важный час. Эти личности, которых упорно оставляют в тени, однозначно заслуживают быть названными настоящими злодеями Кербелы. О них и хотелось бы рассказать в данной статье.

Это был рамадан 60 г. х., когда в мекканский дом Аббаса ибн Абдуль-Мутталиба, где пребывал Хусейн ибн Али после своего ухода из Медины, стали поступать письма из Куфы. Письма, которые призывали возглавить его куфийских сторонников в мятеже против Язида ибн Муавии и заверяли его в их верности и преданности. Два месяца тому назад умер Муавия, а в отношении его сына Язида, которому была дана присяга в качестве наследника, имелось немало недовольства. В качестве лидера куфийцы видели в особенности Хусейна, и вскоре поток писем стал поступать к нему из их города. В некоторые дни их число доходило до 600, и гонцы с энтузиазмом описывали ту поддержку, которую он получит от куфийцев.

Куфа была уникальным местом, и куфийцы были особенными людьми. В 37 г. х. господин Али (да будет доволен им Аллах) перенес столицу из Медины в Куфу. С тех пор этот город стал базой тех, кто заявлял о своей приверженности Ахлюль-байт (семейству пророка, мир ему и благословение Аллаха). После примирения Хасана и Муавии в 41 г. х. многие из тех, кто был в армии господина Хасана, осели в Куфе. Когда Муавия умер в 60 г. х., Куфа по-прежнему была наводнена настроениями на поддержку династии Алидов. Поэтому, увидев удобную для этого возможность, куфийцы, по-прежнему считавшие себя шиитами (приверженцами) Ахлюль-байт, обратились к Хусейну (да будет доволен им Аллах), чтобы тот возглавил их против Язида.

Господин Хусейн (да будет доволен им Аллах) решил направить своего двоюродного брата Муслима ибн Акыла разузнать обстановку в Куфе: если тот посчитает ее подходящей, он должен написать, проинформировав Хусейна, который в этом случае покинет вместе с семьей Мекку и присоединится к нему в Куфе.

Муслим прибыл в месяц зулькааду. Узнав о его приезде, куфийцы явились к дому Муслима ибн Аусаджи Асади, где он находился. Вскоре 12 000 куфийцев дали торжественную присягу о поддержке и защите Хусейна ценой своей жизни и всего своего имущества. Когда их число возросло до 18 000, Муслим посчитал это достаточным, чтобы направить гонца к Хусейну с сообщением о присяге куфийцев и призывом к нему выехать из Мекки.

Тем временем слухи о событиях в Куфе дошли до Язида, находившегося в Дамаске. Он тут же заменил куфийского губернатора Нугмана ибн Башира на безжалостного Убайдуллу ибн

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

Зияда с приказом найти Муслима ибн Акыла и убить его. В начале месяца зульхиджи Ибн Зияд вместе с 17 всадниками вступил в Куфу. Кончик его тюрбана был надвинут на лицо, из-за чего его было не узнать. Куфийцы, ожидавшие господина Хусейна, ошибочно приняли Ибн Зияда за него и поприветствовали прибывшего:

– Мир тебе, потомок посланника Аллаха!

Так Ибн Зияд понял, что слухи не врали. Всю серьезность своей оплошности куфийцы поняли, лишь когда один из всадников крикнул на них:

– Отойдите! Это губернатор Убайдулла ибн Зияд!

Доехав до губернаторской резиденции, Убайдулла послал своего слугу с 3 000 дирхамами, чтобы тот, выдав себя за человека, прибывшего из сирийского города Хомса и желающего присоединиться к грядущей революции, разузнал о местонахождении Муслима ибн Акыла. В результате слуга обнаружил Муслима в доме Хани ибн Урвы и дал ему присягу. Деньги он передал Абу Сумаме Амири, выступавшему в качестве казначея Муслима. Пробыв с ними несколько дней и разузнав, что можно, об их планах, слуга вернулся к Ибн Зияду и рассказал ему обо всем. Хани ибн Урву арестовали. Поначалу тот говорил, что не знает о местонахождении Муслима, но, когда ему представили «прибывшего из Хомса», он сознался, но все равно отказался рассказать, где находится Муслим ибн Акыл.

Тем временем Муслим узнал об аресте Хани ибн Урвы. Поняв, что настало время для решительных действий, он огласил свой боевой клич «Йа Мансур!» – и 4 000 из тех, кто давал присягу Хусейну, собрались вокруг него и двинулись в сторону губернаторской крепости. Завидев Муслима ибн Акыла, Убайдулла направил некоторых племенных вождей Куфы, чтобы те поговорили со своими людьми, отвадили их от Муслима и предупредили о том, что случится с ними, когда прибудут войска из Дамаска.

И вот солдаты Муслима стали слышать от своих матерей:

– Идите домой, и без вас там достаточно людей.

А их отцы, предвещая недоброе, говорили им:

– Что будет завтра, когда сирийские войска начнут прибывать из Дамаска? Что будете делать?

Так таяла решительность тех, кто давал торжественную присягу о поддержке и защите дела Хусейна (да будет доволен им Аллах) и Ахлюль-байт против Язида и его сирийских войск. Так таяла решительность тех, из-за чьих клятв господин Хусейн вместе с самыми близкими и дорогими ему людьми был уже на пути к Куфе. Давшие присягу куфийцы спасовали перед угрозами и предупреждениями. Один за другим они покидали Муслима ибн Акыла у ворот губернаторской крепости. К заходу солнца с ним осталось всего 30 человек. Он возглавил их в магриб-намазе, а затем отошел к проходу в куфийский квартал Кинда. К тому времени с ним было не более 10 человек. И не успел он оглянуться, как остался совершенно один на улицах Куфы. Из всех тех, кто рьяно и с энтузиазмом писал Хусейну (да будет доволен им Аллах), чтобы тот прибыл и возглавил их в восстании против Язида, и из 18 000 человек, которые всего днями ранее вкладывали свою правую руку в его руку, давая торжественную присягу тому делу, на которое они пригласили внука пророка (мир ему и благословение Аллаха), не осталось никого, кто бы стал сопровождать Муслима ибн Акыла или предоставил ему убежище на ночь.

В конечном счете, мучимый жаждой, он постучал в дверь одного из домов. Хозяйка, пожилая женщина, узнав, что перед ней – Муслим ибн Акыл, впустила его. Она укрыла его в своем

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

доме, но ее сын, с которого она взяла обещание никому не говорить об их госте, дождался утра и направился с новостями в резиденцию губернатора. В результате Муслим обнаружил, что дом окружен. Трижды ему удавалось с помощью своего меча прогнать нападающих из дома, но, когда они стали поджигать дом, вынужден был выйти наружу. Лишь когда Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Ашгас, один из тех, кого направили для его ареста, гарантировал ему сохранность жизни, он опустил свой меч. Это было ошибкой, поскольку меч у него отняли, а его посадили верхом на осла и повели к Ибн Зияду. Муслим понимал, что его ждет смерть. Слезы текли из его глаз, но не за себя, а за Хусейна и его семью, которые пробирались через суровую, безжалостную пустыню навстречу тому, что окажется еще более суровым и безжалостным, прямо в руки врага, твердо решившего положить всему конец, навстречу тем, чье предательство в нужный час привело его жизнь к трагичному концу. Он попросил Ибн Ашгаса направить кого-нибудь к Хусейну со следующим посланием:

Меня направил Ибн Акыл, и он говорит тебе:

– Возвращайся со своей семьей. Не будь обманут куфийцами. Они – те самые приверженцы твоего отца, от которых он так хотел отделиться посредством смерти или гибели. Куфийцы лгали мне и солгали тебе. А лжец не отличается благоразумием.

Позже в тот день – а это был День Арафата, 9-е число месяца зульхиджи, – Муслима ибн Акыла возвели на самую высокую стену крепости. Когда его вели, он произносил тахлиль, тасбих, такбир и истигфар. Его последние слова отражали его крайнее разочарование куфийцами:

– О, Аллах, Тебе быть Судьей между нами и нашими людьми. Они обманули и покинули нас.

На виду тех, чьи приглашение и присяга дали ему такую надежду, но чьи трусость и предательство оставили его лишь с отчаянием, его голова с высокого крепостного вала упала на землю. А Хусейн тем временем был на пути к той же судьбе…

Убайдулла ибн Зияд вступил в Куфу всего с 17 людьми. На каждого из них приходилось больше тысячи тех, кто дал присягу Муслиму ибн Акылу. Но ни один из этих тысяч не поднял свой меч в его защиту. Ни один голос не осмелился опротестовать его казнь. Это были те самые люди, которые говорили Хусейну:

– Приходи! Мы с тобой.

Когда господин Хусейн получил письмо от Муслима о поддержке куфийцев, он начал готовиться отбыть в Куфу и тут же направил гонца Кайса ибн Мусхира, чтобы тот сообщил куфийцам о скором его прибытии. Гонец был схвачен Убайдуллой ибн Зиядом, который приказал ему взойти на крепостные стены и прилюдно проклясть Хусейна и его отца. Но тот вместо этого восславил господина Али и господина Хусейна, сообщил, что Хусейн уже в пути, и призвал помочь ему, как было обещано. Свое короткое обращение он завершил проклятием в адрес Ибн Зияда. По приказу Ибн Зияда гонца сбросили со стены и убили. Несмотря на пылкое обращение Кайса, куфийцы не стали менять своих действий.

Ряд видных сподвижников и детей сподвижников в Мекке пытались отговорить Хусейна от направления в Куфу и напомнили о переменчивости куфийцев, которая наблюдалась и в отношении его отца, и в отношении его брата. Абдулла ибн Аббас, Абдулла ибн Умар, Джабир ибн Абдулла, Абу Сагид Худри, его собственный брат Мухаммад, а также двоюродный брат Абдулла ибн Джафар возражали против его поездки и убеждали его не ехать в Ирак. Но он уже принял решение. 8-го числа месяца зульхиджи он выехал из Мекки, не зная о печальном конце Муслима ибн Акыла.

После трудного пути, длившегося почти целый месяц, они прибыли в Ирак. И лишь тогда

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

Хусейн впервые узнал о предательстве куфийцев и смерти Муслима ибн Акыла. Впоследствии он узнал и о смерти Кайса ибн Мусхира. К тому времени к Хусейну присоединилось немало бедуинов, полагавших, что Куфа – фактически в его руках. Но Хусейн теперь объявил им:

– Наши шииты оставили нас. Поэтому кто желает уйти, может уйти.

Вскоре он остался лишь с теми, с кем вместе покинул Мекку. Они продолжили свой путь в Куфу.

А Куфа тем временем оказалась под жестким надзором Ибн Зияда. Услышав о приближении Хусейна, он направил против него мощный отряд из 4 000 человек, который проходил через Куфу и изначально шел на дайламитов. Командиром отряда был назначен Умар ибн Саад. Едва ли можно сомневаться в том, что куфийцы собственными глазами видели отбытие этого войска из своего города. Это был их последний шанс почтить свою присягу Хусейну, которую они дали ему через Муслима ибн Акыла. Последний шанс встать на сторону внука пророка (мир ему и благословение Аллаха) после всех их приглашений и заверений о поддержке с призывом покинуть безопасную Мекку и направиться на рискованные поля сражений Ирака. Но и в этот раз ни преданности, ни храбрости, ни верности куфийцам не хватило. Лишь горстка из их числа решила присоединиться к Хусейну в Кербеле.

Когда зашло солнце 10-го мухаррама, для вероломных шиитов было уже слишком поздно что-то менять, ведь пески Кербелы уже покраснели от крови господина Хусейна и 71 его последователя.

Четыре года спустя куфийские шииты попытались искупить свою измену семье пророка (мир ему и благословение Аллаха). Среди них появилась группа, называвшая себя «таввабун» (кающиеся) и поставившая себе цель отомстить убийцам Хусейна. По пути в Сирию во время преследования Ибн Зияда они проезжали мимо Кербелы, места расположения могилы господина Хусейна, и там подняли крики и вои, проведя ночь в оплакивании трагедии, которой они позволили свершиться четырьмя годами ранее. Если б такой дух сострадания к Хусейну они проявили тогда, когда ему это было действительно необходимо, история ислама могла потечь по иному руслу.

Среди некоторых писателей были предприняты попытки оправдать шиитов в преступлении дезертирства против Хусейна. Некоторые стали говорить, что Ибн Зияд блокировал Куфу. Хусейн Джафри в своей книге «Происхождение и ранние стадии шиитского ислама» писал:

...Опять же стоит отметить, что блокада всех дорог, ведущих в Куфу и окрестности, перекрыла все возможности для большинства куфийских шиитов, которые в это время скрывались, а также тех, кто находился в других городах, включая Басру.[2]

Такое объяснение не выглядит правдоподобным, если учесть колоссальное количество (18 000) тех, кто дал присягу в присутствии Муслима ибн Акыла. А ведь Ибн Зияд, как уже говорилось, вступил Куфу всего с 17 людьми. Даже тот отряд, который он направил против господина Хусейна в Кербелу, состоял всего из 4 000 человек.[3] К тому же это войско не было нанято специально для Кербелы. Это был пришлый отряд, который лишь проходил через Куфу на пути к дайламитам. Совершенно неправдоподобно, чтобы Ибн Зияд смог обуздать куфийцев такими силами, которые явно уступали им в численности. К тому, что они бросили господина Хусейна, привели их собственные вероломство и переменчивость. Это ясно видно по тому, как они бросили Муслима ибн Акыла.

Еще имеется тенденция к тому, чтобы заявлять, будто оставившие господина Хусейна не были шиитами. Джафри пишет:

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

...Из тех, кто пригласил Хусейна в Куфу, и далее тех 18 000, что оказали почтение его послу Муслиму ибн Акылу, не все были шиитами в религиозном понимании этого термина. Скорее они были сторонниками династии Али по политическим причинам. Это следует держать в уме, чтобы понять историю ранней стадии шиитского ислама.[4]

Причина, по которой Джафри не хочет называть тех, кто бросил господина Хусейна, «религиозными» (но не «политическими») приверженцами династии господина Али, весьма очевидна. Его явно смущает тот факт, что сами же шииты и бросили своего имама с его семьей после того, как пригласили его возглавить их восстание. Но к отрицанию различия между «религиозными» и «политическими» приверженцами приводит нас то, что господин Хусейн сам не раз называл куфийцев своими шиитами. Имеется также немало ссылок на куфийцев как на последователей (хотя и весьма переменчивых) его отца и брата. Если предположить, что многие или даже большинство из них не были шиитами в «религиозном» плане, то сразу возникнет вопрос: а где же были настоящие шииты, когда их имаму потребовалась помощь? Неужели это лишь те очень-очень немногие, которые вышли из Куфы? Странно, что шииты крайне не желают признать дезертиров Куфы своей частью, но при этом с гордостью и весьма охотно идентифицируют себя с движением таввабун. А ведь речи, которые были даны при зарождении этого движения, очень четко дают понять, что это были те самые люди, которые пригласили господина Хусейна, а затем бросили его.[5] Само название этого движения указывает на их вину в этой связи. Поэтому попытка шиитов сказать, что они не замешаны в дезертирстве в отношении господина Хусейна, представляется попросту жалкой.

Кербела не стала последним предательством со стороны шиитов по отношению к семье пророка (мир ему и благословение Аллаха). Шестьдесят лет спустя Зейд ибн Али ибн Хусейн, внук господина Хусейна, поднял восстание против омейядского правителя Хишама ибн Абдульмалика. Присягу ему дали 40 000 человек, 15 000 из которых были из той самой Куфы, которая бросила его деда. Непосредственно перед началом сражения они по своей прихоти спросили его мнение об Абу Бакре и Умаре. Зейд ответил им:

– Я никогда не слышал, чтобы кто бы то ни было из моей семьи отказывался от них. И я могу сказать о них лишь хорошее.

Расстроенные его ответом, они массово покинули его, решив, что истинным имамом может быть лишь его племянник Джафар Садик. Из 40 000 человек с Зейдом осталось лишь несколько сотен. Когда отступники покидали его, он заметил:

– Боюсь, они поступили со мной так же, как с Хусейном.

Зейд и его маленькое войско храбро сражались и погибли мученической смертью. Так в среду 1-го числа месяца сафара 122 г. х. еще один представитель Ахлюль-байт стал жертвой вероломства куфийских шиитов.[6] И здесь не может быть и тени сомнения в том, что бросили его именно шииты.

Тот факт, что тысячи шиитов, бросившие Зейда ибн Али, рассматривали в качестве своего истинного имама Джафара Садика, демонстрирует, что, в общем и целом, это было то же движение, что и современные исна-ашари (двунадесятники или имамиты, шииты-джафариты). Почему же тогда, имея столько преданных последователей, имам Джафар не поднял восстание против омейядов или аббасидов? Ответ на это дается в сообщении, записанном Абу Джафаром Кулайни в его известной книге «Аль-кафи», которая занимает беспрецедентное место среди шиитских сборников хадисов:

Судейр Сайрафи рассказывал: «Я вошел к Абу Абдулле (мир ему) и сказал:

– Клянусь Аллахом, ты не можешь отказаться от того, чтобы взяться за оружие!

– Это почему же? – спросил он.

– Потому что у тебя множество сторонников, приверженцев (шиитов) и помощников. Клянусь Аллахом, если б повелитель правоверных (господин Али) имел столько шиитов, помощников и сторонников, сколько у тебя, теймиты (род Абу Бакра) и адиты (род Умара) никогда бы не имели замыслов в его отношении.

– И сколько же их будет, Судейр?

– Сто тысяч, – сказал я.

– Сто тысяч?

– Да, и двести тысяч.

– Двести тысяч?

– Да, и полмира.

Он помолчал, а затем сказал:

– Ты сопроводишь нас в Янбу?

Я ответил утвердительно. Он велел оседлать мула и осла. Я быстро забрался на осла, но он сказал:

– Судейр, не позволишь мне сесть на осла?

– Мул является более чинным и благородным.

– Мне удобнее на осле.

Тогда я сошел с осла, забрался на мула, и мы поехали. Пришло время намаза, и он сказал:

– Слезай, Судейр. Совершим намаз, – но затем заметил: – Нет, земля тут вся заросла мхом, намаз здесь делать нельзя.

Мы продолжили путь, пока не доехали до места, где земля была красной. Он посмотрел на мальчика, гнавшего стадо овец, и заметил:

– Судейр, клянусь Аллахом, если б у меня было столько приверженцев, сколько здесь овец, для меня был бы недопустимым отказ от того, чтобы взяться за оружие.

Мы спустились и совершили намаз. Затем я повернулся, чтобы сосчитать овец. Их было семнадцать».[7]

Это повествование, похоже, показывает, что трагедия Кербелы научила имама Джафара Садика кое-чему в отношении тех, кто заявляет о своей приверженности ему, хотя современные шииты все еще не могут с этим согласиться: в испытаниях и бедствиях семьи пророка (мир ему и благословение Аллаха) роль шиитов была такой же, а то и больше, чем у ее физических врагов. Поэтому неудивительно, что ни один из предполагаемых имамов после Хусейна даже не пытался поднять восстание против правителей своего времени. Кербела дала им знать о переменчивости и вероломстве тех, кто заявляет себя их шиитами. Именно о них, как сообщается, имам Джафар сказал:

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

Никто не испытывает к нам большей вражды, чем те, кто заявляет, что любит нас.[8]

Сообщается также, что имам Джафар сказал:

Нет ни одного аята, ниспосланного Аллахом о лицемерах, который бы не был обнаружен в тех, кто признается в шиизме.[9]

Еще до господина Хусейна жертвой вероломства куфийцев стал его старший брат, господин Хасан. В своей книге «Ихтиджадж» известный шиитский автор Абу Мансур Табарси сохранил следующее высказывание господина Хасана:

Клянусь Аллахом, думаю, что Муавия лучше для меня, чем те, кто заявляет, что являются моими шиитами.[10]

Когда господину Хасану окончательно надоела переменчивость так называемых шиитов, он решил заключить мир с Муавией. Когда кто-то стал протестовать, говоря, что он унижает шиитов этим заключением мира с Муавией, Хасан ответил так:

Клянусь Аллахом, я передал ему власть лишь по той причине, что не смог найти никаких сторонников. Если б я нашел их, то сражался бы с ним день и ночь, пока Аллах не рассудил нас. Но я знаю куфийцев. Опыт с ними у меня есть. Плохие из их числа бесполезны для меня. У них нет ни верности, ни какой бы то ни было целостности в словах и делах. Они в разладе. Они заявляют, что их сердца – с нами, в то время как их мечи направлены против нас.[11]

Имам Муса Казим, сын имама Джафара, который считается седьмым из предполагаемых имамов шиитов, описывал их следующими словами:

Если б я по-настоящему разглядел своих шиитов, то обнаружил бы, что они не более чем притворщики. Если б я подверг их испытанию, то обнаружил бы их отступниками. Если б стал внимательно изучать их, то со мной остался бы лишь каждый тысячный. Если б стал их тщательно просеивать, то осталась бы лишь горстка настоящих приверженцев. Все это время они сидят на подушках, говоря: «Мы – шииты Али».

Если в нынешнее время Ашуру станут отмечать как день борьбы и жертвенности, то давайте вспомним его также как день предательства и дезертирства. Когда называют имена Язида ибн Муавии, Убайдуллы ибн Зияда, Умара ибн Саада и Шимра ибн Зильджавшана, проклиная их, давайте не будем забывать о предательстве куфийских шиитов. Уже прошло весьма много времени, чтобы шииты ввели в свои церемонии Ашуры тот момент, который был, на самом деле, частью самой первой церемонии таввабун. Этот утраченный момент – признание их собственной вины, наряду с виной Зияда, Язида и др., в пролитии священной крови господина Хусейна ибн Али (да будет доволен им Аллах).

Примечания

[1] Исторический материал для данной статьи большей частью взят из книги «Начало и конец» Ибн Кясира. Также мы обращались к шиитскому источнику «Мукталь Хусейн» Абдурраззака Мусави Мукаррама (Кум: изд. Басирати, 5-е изд., 1382).

[2] См. Джафри. Происхождение и ранние стадии шиитского ислама. – Кум: Ансариян пабликейшнз, б. д. – Стр. 198.

[3] Цифра в 80 000, называемая в некоторых шиитских источниках и недавно приведенная по местному радио, явно выдумана. Помимо того, что она противоречит надежным

историческим источникам, очевидно, что свою основу она берет из эмоциональных преувеличений шиитов.

[4] Джафри, стр. 195.

[5] Там же, стр. 223.

[6] Мухаммад Абу Захра. Тарих мазахиб исламия. – Каир: Дар-уль-фикр аль-араби, б. д. – Стр. 613.

[7] Кулайни. Аль-Кафи (усуль). – Бейрут: Дар-уль-адва, 1992. – Том 2, стр. 250–251.

[8] Абдулла Мамакани. Микбас хидая. – Бейрут: Муассасат аль аль-байт ли ихья ат-турас, 1991. – Том 2, стр. 414 (цитата из «Риджаль» Кашши).

[9] Там же. – Том 2, стр. 407.

[10] Абу Мансур Табарси. Ихтиджадж. – Бейрут: Муассаст аль-аглями, 1989. – Том 2, стр. 290–291.

[11] Кулайни. Раудат аль-кафи. – Том 8, стр. 288.

Источник: mahajjah.com

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.